

Д.О. Серов (Новосибирск)

ВОЕННЫЕ СУДЫ РОССИИ В КОНЦЕ 1710-х – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ 1720-х

В истории военной юстиции России события первой четверти XVIII в. занимают особое место. В процессе проведения военной, административной и судебной реформ Петра I военное судопроизводство и военное судопроизводство подверглись кардинальным преобразованиям. Эти преобразования в целом уже не раз освещались в литературе, хотя преимущественно на обзорном уровне¹. Настоящая статья является первым опытом более углубленного рассмотрения изменений, осуществленных в сфере военной юстиции на завершающем этапе преобразований, в конце 1710-х – первой половине 1720-х гг., в период от создания Военной коллегии до кончины Петра I.

К наиболее значительным изменениям в области *военного судопроизводства* за 1717 - 1725 гг. следует отнести: во-первых, учреждение Военной и Адмиралтейской коллегий; во-вторых, создание первого в России постоянного военно-судебного органа – Нижнего воинского суда; в-третьих, основание в местах постоянной дислокации воинских частей смешанных военно-гражданских судебных присутствий. В области *военного судопроизводства* в отмеченный период происходило дальнейшее развитие ревизионно-решающего порядка пересмотра и утверждения судебных решений².

Основанные 15 декабря 1717 г. по образцу (как убедительно показал К. Петерсон) шведских Krigskollegium и Admiralitetskollegium³ Военная и Адмиралтейская коллегии с самого начала явились не только центральными органами управления, но и органами правосудия. В качестве органов правосудия данные коллегии представляли собой ревизионно-решающие инстанции по отношению к

военно-судебным органам первого звена – кригсрехтам. Таким образом, Военная и Адмиралтейская коллегии заняли в военно-судебной системе России положение судов второго звена⁴.

Впервые подобный порядок был нормативно закреплён в законе от 3 марта 1719 г.⁵ Согласно данному закону, все вынесенные полковыми и гарнизонными кригсрехтами приговоры должны были направляться на утверждение (которое стало факультативно именоваться «*конфирмацией*») командующим корпусами. При этом приговор, в котором военному служащему назначалась смертная казнь, в случае утверждения командующим направлялся на дальнейшее утверждение в Военную коллегию. Если же к смертной казни осуждался офицер, то утверждённый Военной коллегией приговор поступал ещё и на окончательное утверждение царя.

Собственно отправлением правосудия занималось присутствие Военной коллегии, а подготовкой дел к слушанию – *Аудиторское повытье* коллежской канцелярии. В Военной коллегии Аудиторское повытье было создано согласно штату, утверждённому 3 июня 1719 г. По этому штату, в состав Аудиторского повытья входили генерал-аудитор, генерал-фискал, два канцеляриста и два кошииста⁶. Наряду с подготовкой к рассмотрению Военной коллегией приговоров, поступавших из кригсрехтов, Аудиторское повытье осуществляло руководство аудиторской службой армии, а также вело судебную статистику, обрабатывая и анализируя ежегодно поступавшие из воинских частей отчеты о состоявшихся кригсрехтах. Первым генерал-аудитором Военной коллегии стал Федор Центаров (Центарови), назначенный на эту должность 11 июля 1719 г. и пробывший в ней до апреля 1752 г.⁷

Стоит заметить, что в конце 1710-х – первой половине 1720-х гг. полномочия и процессуальный статус генерал-аудитора Военной коллегии так и не нашли нормативного закрепления – ни в каком-либо законе, ни в ведомственном нормативном акте. Здесь, правда, необходимо иметь в виду, что ни в первой четверти XVIII в., ни впоследствии в России так и не был издан Регламент Военной коллегии – основополагающий законодательный акт, которым регулировались бы вопросы внутренней структуры и компетенции ведомства. Зато 5 апреля 1722 г. вступил в силу подготовленный при активном участии Петра I и объявленный образцовым для остальных коллегий Регламент Адмиралтейской коллегии («*Регламент о управлении Адмиралтейства и верфи*»). Однако в этом обширном,

состоявшем из 68 глав и 717 статей законе оказались ни словом не упомянуты ни аудиторская служба флота, ни военно-морские судебные органы⁸.

Что касается первого постоянного военно-судебного органа России – *Нижнего воинского суда* – то его создание было в общем виде предусмотрено ещё в ст. 1 гл. 50-й Воинского Устава от 30 марта 1716 г. В названной статье впервые предусматривалось устройство такого «*нижнего суда*», который можно рассматривать как прообраз современного гарнизонного военного суда («*нижний суд, который... в крепости у губернатора или коменданта*»)⁹. Непосредственным учредительным актом об основании Нижнего воинского суда в историко-правовой литературе принято считать высочайшую резолюцию от 15 февраля 1723 г. на п. 2 доклада Военной коллегии¹⁰. Однако если ознакомиться с названным докладом более внимательно, то станет очевидным, что в п. 2 доклада содержалась просьба не передислоцировать Нижний воинский суд из Москвы в Санкт-Петербург. Следовательно, в феврале 1723 г. данный суд уже функционировал, будучи учреждён ранее (вероятно, в 1722 г.). Как бы то ни было, с момента возникновения Нижний воинский суд был структурно связан с Московской конторой Военной коллегии, глава которой выступал в роли председателя суда.

Как явствует из архивных материалов, по состоянию на октябрь 1723 г. в аппарате Нижнего воинского суда трудились обер-аудитор Федор Дурасов, дьяк Иван Шагин, протоколист Иван Паумов, четыре полканцеляриста и 28 писарей¹¹. Суд рассматривал дела о преступлениях военнопослужащих, совершенных на территории Москвы, а также дела о дезертирах, задержанных в городе и окрестностях. По справедливому замечанию Н.А. Петухова, именно Нижний воинский суд явился прямым предшественником нынешнего Московского гарнизонного военного суда¹².

Что касается Санкт-Петербурга, то там, по распоряжению Военной коллегии от 4 ноября 1724 г., была создана временная военно-судная комиссия во главе с санкт-петербургским комендантом. В качестве ассессоров в комиссию предписывалось командировать группу офицеров из расквартированных в столице воинских частей. Постоянный же военный суд был основан в Санкт-Петербурге лишь в 1771 г.¹³

Возвращаясь к обозрению перемен в области военного судопроизводства, следует отметить, что уже в 1721 г. ведомственный

нормотворец существенно расширил сферу применения ревизионно-решающего порядка пересмотра судебных решений в военно-уголовном процессе. Согласно распоряжению Военной коллегии от 24 июля 1721 г. об улучшении работы военных судов, направлению на «совершенную конфирмацию» в Военную коллегию стали подлежать вообще все приговоры, вынесенные полковыми и гарнизонными кригсрехтами и утвержденные командующими корпусами. Заодно в названном распоряжении оговаривалось, что в коллегию вместе с приговором следовало присылать не подлинник судебного дела (как это, по всей вероятности, начало происходить на практике), а лишь заверенный аудитором «экстракт» (краткую выписку из дела)¹⁴.

Необходимо также отметить, что введенный в 1719 г. порядок утверждения Военной коллегией смертных приговоров, вынесенных военными судами первого звена, сохранялся недолго. В п. 7 доклада, направленного императору Военной коллегией в 1724 г., констатировалось, что существующая процедура утверждения смертных приговоров порождает значительную волокиту. В связи с этим Военная коллегия предложила, чтобы смертные приговоры в отношении рядового и сержантского состава окончательно утверждали бы командующие корпусами, а смертные приговоры младшим офицерам – сама коллегия. Тем самым на утверждение монарха должны были поступать лишь смертные приговоры, вынесенные старшим офицерам. Данное предложение Военной коллегии Петр I утвердил резолюцией от 11 ноября 1724 г.¹⁵

Наконец, нельзя обойти кратким рассмотрением смешанные военно-гражданские судебные присутствия, которые возникли в нашей стране в связи с проведением в конце 1710-х – первой половине 1720-х гг. масштабной податной реформы¹⁶. Завершающим этапом названной реформы явилось, как известно, размещение воинских частей на постоянной основе («на вечные квартиры») в сельской местности, причем не в обособленных военных городках, а непосредственно по деревням. Не имевшее аналогов в отечественной истории такое размещение войск, повсеместно начавшееся в 1722 г., потребовало нормативного регулирования взаимоотношений как между местными органами военного и гражданского управления, так и между направленными на «вечные квартиры» военными с населением.

Вот почему летом 1723 г. Петр I приступил к выработке законов, призванных комплексно регламентировать взаимодействие

расквартируемой по деревням армии с местным населением – в административном, финансовом, полицейском и судебном отношениях. В итоге положения, касавшиеся военной юстиции, оказались закреплены в подписанных императором 6 ноября 1724 г. законах «Плакат о зборе подушном и прочем» и «О должности полковника»¹⁷. В ст. 8 раздела «О полковнике с офицеры» «Плаката» было внесено установление о том, что заявления о противоправных действиях военнопослужащих в отношении гражданских лиц следовало подавать исключительно командованию полка, которое, в свою очередь, обязывалось «надлежащую управу чинить». Тем самым подтверждалась общая подсудность находящихся на «вечных квартирах» солдат и офицеров полковым кригсрехтам.

Охарактеризованное установление было параллельно прописано и в ст. 11 закона «О должности полковника». В той же ст. 11 закона законодатель дополнительно пояснил, что за преступления, совершенные в отношении гражданских лиц, военнопослужащие несут ответственность в соответствии с нормами Артикула воинского 1714 г. и Уложения 1649 г. При этом в отличие от «Плаката», в законе «О должности полковника» значительное внимание было уделено казусам, когда военнопослужащий оказывался потерпевшим.

В таковом случае, если обвинение выдвигалось против крестьянина, то, согласно ст. 12 «Должности», как раз и образовывалось смешанное военно-гражданское судебное присутствие: в состав полкового кригсрехта включался земский комиссар соответствующего полкового дистрикта. Если в совершенном против военнопослужащего преступлении обвинялся помещик, то в состав кригсрехта наряду с земским комиссаром дополнительно входили один или двое местных дворян. В том же случае, когда речь шла об особо тяжком преступлении, то дело по обвинению помещика следовало направлять в надворный суд.

Если в преступлении против военнопослужащего обвинялся горожанин, то, по ст. 13 закона «О должности полковника», состав смешанного военно-гражданского судебного присутствия формировался из нескольких офицеров полка и двух представителей («денутатов») от горожан. Наконец, стоит отметить, что по ст. 17 характеризуемого закона, юрисдикция кригсрехта полка, дислоцированного на «вечных квартирах», была распространена на задержанных на территории полкового дистрикта воров и разбойников из числа

дезертиров. Правда, согласно той же ст. 17 закона «О должности полковника», приговоры по таким делам следовало отсылать на утверждение в Военную коллегия.

А вот «обычных» воров и разбойников, задержанных силами военно-служащих полка, надлежало, по ст. 18 закона, передавать в «указные места» (то есть в суды общей юрисдикции). Впрочем, введенные законом от 6 ноября 1724 г. смешанные военно-гражданские судебные присутствия просуществовали недолго. Опыт с размещением полков по деревням оказался провальным, и уже в 1727 г. российская армия вновь разместились гарнизонами по городам.

Нельзя не упомянуть, что в 1723 г. произошло некоторое сокращение юрисдикционных полномочий военных судов. Согласно распоряжению Военной коллегии от 30 ноября 1723 г., из-под подсудности критерсхтов были изъяты дела по обвинениям военнослужащих, уволенных в отставку¹⁸. Остается добавить, что военным судам было уделено сравнительно немного внимания в проекте Уложения Российского государства 1723–1726 гг. – грандиозном акте всеобщей кодификации законодательства, который был призван нормативно закрепить итоги преобразований Петра I¹⁹.

Наиболее общее законодательное предположение, касавшееся военных судов, было внесено в утвержденную Уложенной комиссией 30 сентября 1723 г. ст. 13 гл. 2-й кн. 1 проекта Уложения. Согласно ст. 13, озаглавленной «О воен[н]ых, где оныя судимы быть имеют», строевые военнослужащие армии и флота должны были находиться в исключительной подсудности военных судов. Кроме того, в законодательном предположении, внесенном в ст. 20 гл. 2-й проекта, особо оговаривалось, что под юрисдикцию военных судов попадали беглые солдаты и матросы, а также беглые рекруты²⁰.

Наконец, в ст. 48 той же гл. 2-й кн. 1 «Где судить гвардии Преображенского и Семеновского полков офицеров и солдат» предлагалось частично установить особый порядок подсудности военнослужащих гвардии. Согласно проекту данной статьи, иски на строевых гвардейцев следовало подавать в Преображенский приказ. Что же касается исков на гвардейцев, связанных со спорами о земле и о крепостных крестьянах, то таковые иски надлежало подавать в общем порядке в Вотчинную коллегия: «А что до деревень их и людей и крестьян касатца будет, судимым быть во определенных местех, как и протчих положено»²¹. Как бы то ни было, охарактеризованным законодательным предположениям не суждено было

обрести силу закона из-за последующего неутверждения проекта Уложения 1723–1726 гг.

Подводя итог вышесказанному, следует констатировать, что в конце 1710-х – первой половине 1720-х гг. в нашей стране завершились преобразования в сфере военной юстиции, развернувшиеся в первые годы XVIII в. в русле проведения военной реформы. С учреждением Военной коллегии и с окончательным утверждением ревизионно-репашного порядка в военно-уголовном процессе военно-судебная система России обрела тот облик, который она сохранила уже до начала XIX в.

Приложение

Проект Уложения Российского государства 1723–1726 гг.

[Извлечение]

...13

О воен[н]ых, где оныя судимы быть имеют

Военные, морская и сухопутная, когда оныя обретаются при флоте и при полках в гарнизонах и при своих ротах, во всем судимы быть имеют по Военному уставу в военных судах. А им на граждан быть челом, которому суду оныя подчинены.

...20

Беглых солдат, драгун, матрозов и протчих где судить надлежит

Всех беглых драгун, солдат, рекрут в побегах судить и наказывать в Военной коллегии, а адмиралтейских в Адмиралтействе. Того ради где оныя пойманы будут, описавца в те коллегии или тех коллегей во определенных места и что с таковыми чинить, требовать резолюцию.

РГАДА. Ф. 342. Кн. 33. Ч. 1, 26об., 29 (*Фрагменты итоговой черновой редакции проекта, утвержденной Уложенной комиссией*)

¹ Наиболее существенным вкладом в изучение военно-судебных преобразований в России первой четверти XVIII в. следует признать подготовленную более столетия назад, но бесспорно сохранившую научное значение монографию М.П. Розенгейма (Розенгейм М.П. Очерк истории военно-судных учреждений в России до кончины Петра Великого. СПб., 1878). Кроме того, следует отметить посвященные названной теме разделы в работах Н.О. Бобровского, Н.Н. Ефремовой, Н.А. Петухова, О.Е. Кутафина, В.М. Лебедева и Г.Е. Семигина, а также § 2 и 3 главы 1 «Реформа военного судопроизводства и судопроизводства»

диссертационного исследования М.О. Акишина (Бобровский П.О. Военное право в России при Петре Великом. СПб., 1886. Вып. 2. С. 185–205, 578–596; Ефремова Н.Н. Судостроительство России в XVIII – первой половине XIX в. (историко-правовое исследование). М., 1993. С. 74–76; Петухов Н.А. История военных судов России. М., 2003. С. 49–50, 72–95; Кутафин О.Е., Лебедев В.М., Семигин Г.Ю. Судебная власть в России: История. Документы. Т. 2. М., 2003. С. 542–562; Акишин М.О. Судебная реформа Петра I: Дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2005. С. 34–83). Уместно заметить, что материалы указанного раздела диссертации М.О. Акишина совершенно не отражены в его опубликованных работах.

² О ревизионно-решающем порядке пересмотра судебных решений в отечественном средневековом судопроизводстве подробнее см.: Серов Д.О. Ревизионно-решающий порядок в уголовном процессе России конца XV – первой четверти XVIII вв. // Журнал российского права. 2008. № 6. С. 102–109.

³ Peterson C. Peter the Great's Administrative and Judicial Reforms: Swedish Antecedents and the Process of Reception. Lund, 1979. P. 394–409.

⁴ В литературе на вопросе о судебной компетенции Военной коллегии петровского времени наиболее подробно остановился М.О. Акишин (Акишин М.О. Указ. соч. С. 70–73).

⁵ Полное собрание законов Российской империи с 1649 г. СПб., 1830. Т. 5. № 3316. С. 670. Беглые упоминания о законе от 3 марта 1719 г. в литературе см.: Петухов Н.А. Указ. соч. С. 80; Кутафин О.Е., Лебедев В.М., Семигин Г.Ю. Указ. соч. Т. 2. С. 550.

⁶ Полное собрание законов. Т. 5. № 3383. С. 712. Об аудиторской службе российской армии в первой четверти XVIII в. см.: Розенгейм М.П. Указ. соч. С. 168–179; Акишин М.О. Указ. соч. С. 62–70. Общий обзор развития службы в XVIII в. см.: Сутормин Г.М. Военная прокуратура от Петра I до Николая II // История государства и права. 2001. № 3. С. 7–10; Он же. Аудиторская служба Российского государства // Законность. 2001. № 9. С. 50–54.

⁷ Розенгейм М.П. Указ. соч. С. 206–207, 369.

⁸ Полное собрание законов. Т. 6. № 3937. С. 525–637.

⁹ Там же. Т. 5. № 3006. С. 264.

¹⁰ Там же. Т. 7. № 4166. С. 24.

¹¹ РГАДА. Ф. 286. Кн. 2. Л. 347–347об.

¹² Петухов Н.А. Указ. соч. С. 79.

¹³ Розенгейм М.П. Указ. соч. С. 202; Кутафин О.Е., Лебедев В.М., Семигин Г.Ю. Указ. соч. Т. 2. С. 562.

¹⁴ Полное собрание законов. Т. 6. № 3806. С. 410.

¹⁵ Там же. Т. 7. № 4589. С. 361.

¹⁶ Наиболее подробное рассмотрение обстоятельств подготовки и проведения податной реформы см.: Анисимов Е.В. Податная реформа Петра I: введение подушной подати в России. 1719–1728 гг. Л., 1982.

¹⁷ Полное собрание законов. Т. 7. № 4533. С. 310–318 [«Плакат»]; № 4535. С. 321–327 [«Должность»]. Развернутый анализ положений «Плаката» и «Должности», касавшихся финансовых и полицейских вопросов, см.: Анисимов Е.В. Указ. соч. С. 240–243, 248–249, 251–253. В историко-правовой литературе названные «Плакат» и «Должность» наиболее подробно охарактеризовал М.П. Розенгейм (Розенгейм М.П. Указ. соч. С. 194–198). Достоинно удивления, что данные законодательные акты оказались никак не освещены в

отмеченном разделе диссертации М.О. Акишина (см.: Акишин М.О. Указ. соч. С. 34–83).

¹⁸ Полное собрание законов. Т. 7. № 4375. С. 166–167.

¹⁹ О проекте Уложения Российского государства 1723–1726 гг. подробнее см.: Peterson C. Användningen av dansk och svensk rätt i Peter den stores lagkommission, 1720–1725 [Использование датского и шведского права в Уложной комиссии Петра Великого 1720–1725 гг.] // Danske og Norske Lov i 300 år. København, 1983. S. 369–404; Замуруев А. С. Проект Уложения Российского государства 1723–1726 годов – памятник отечественной политико-правовой мысли // Замуруев А.С. Работы разных лет. Неков, 2006. С. 156–366; Серов Д.О. Систематизация процессуального законодательства в период проведения судебной реформы Петра I // Актуальные проблемы развития правовой системы государства. Российский и международный опыт: сб. научных трудов Новосибирск, 2008. С. 77–91.

²⁰ РГАДА. Ф. 342. Кн. 33. Ч. 1. Л. 26об., 29 [приложение].

²¹ Там же. Л. 15об. Исключительную подсудность Вотчинной коллегии дел о земельных спорах предполагалось закрепить в ст. 16 гл. 2-й кн. 1 проекта Уложения (Там же. Л. 28).